

ГЩЕРБОРЕЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ
СТИХОВЪ
и
КРИТИКИ

I

ОКТАБРЬ

1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ГШЦЕРБОРЕЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ
СТИХОВЪ
и
КРИТИКИ

I

ОКТЯБРЬ

1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ редакціи	3
Стихи.	
Анна Ахматова	5
Василій Гипсіусъ	7
Н. Гумилевъ	10
Сергѣй Городецкій	13
Николай Клюевъ	15
О. Мандельштамъ	20
Владимиръ Нарбутъ	23
Сергѣй Гедройцъ	25
Критика	27

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Рождаясь въ одну изъ побѣдныхъ эпохъ русской поэзіи, въ годы усиленнаго вниманія къ стихамъ, «Гиперборей» цѣлью своей ставитъ обнародованіе новыхъ созданій въ этой области искусства.

Ни одному изъ борющихся послѣднее время на поэтической аренѣ методовъ—будь то импрессионизмъ или символизмъ, лиро-магизмъ или парнасизмъ—не отдавая предпочтенія особливаго, «Гиперборей» видитъ прежде всего насущную необходимость въ закрѣпленіи и продолженіи всѣхъ основныхъ побѣдъ эпохи, извѣстной подъ именемъ декадентства или модернизма.

По формѣ простирая свою область до границъ чистой музыки, по содержанію касающаяся послѣднихъ тайниковъ человѣческаго духа, современная поэзія являетъ обликъ цвѣтущей зрѣлости. Сквозь стихи, разбросанные по общимъ журналамъ, часто мнѣній о поэзіи не имѣющимъ или имѣющимъ превратныя, этотъ обликъ виденъ смутно. Полную свободу его выявленію желаетъ дать «Гиперборей».

Гордая именами Ломоносова, Державина, Пушкина, Баратынскаго, Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Ники-

тина, Фета, Анненскаго, Бальмонта, Брюсова, Сологуба, Иванова, Бѣлаго, Блока, — русская поэзія предчувствуетъ новыя завоеванія.

Они возможны и въ безымянной народной поэзіи, и современной деревенской пѣснѣ будетъ удѣлено мѣсто на этихъ страницахъ.

1.

Помолись о нищей, о потерянной,
О моей живой душѣ.
Ты, въ своихъ путяхъ всегда увѣренный,
Свѣтъ узрѣвшій въ шалашѣ.

И тебѣ печально-благодарная
Я за это расскажу потомъ,
Какъ меня томила ночь угарная,
Какъ дышало утро льдомъ.

Въ этой жизни я немного видѣла,
Только пѣла и ждала.
Знаю, брата я не ненавиѣла
И сестру не предала.

Отчего же Богъ меня наказывалъ
Каждый день и каждый часъ?
Или это Ангелъ мнѣ указывалъ
Свѣтъ, невидимый для насъ?

Здѣсь все то же, то же, что и прежде,
 Здѣсь напраснымъ кажется мечтать.
 Въ домѣ, у дороги непроѣзжей,
 Надо рано ставни запирать.

Тихій домъ мой пусть и непривѣтливъ,
 Онъ на лѣсъ глядитъ однимъ окномъ.
 Въ немъ кого-то вынули изъ петли
 И бранили мертваго потомъ.

Былъ онъ грустенъ или тайно-веселъ,
 Только смерть—большое торжество.
 На истертомъ красномъ плюшѣ креселъ
 Изрѣдка мелькаетъ тѣнь его.

И часы съ кукушкой ночи рады,
 Все слышнѣй ихъ четкій разговоръ.
 Въ щелочку смотрю я. Конокрады
 Зажигаютъ подъ холмомъ костеръ.

И, пророча близкое ненастье,
 Низко, низко стелется дымокъ.
 Миѣ не страшно. Я ношу на счастье
 Темносиній шелковый шнурокъ.

1.

Протянулась съ надеждой безнадежной—
Не дотянется дѣтская рука,
И, колеблемая въ воздухѣ безбрежномъ,
Не измѣнится звѣздная рѣка.

Только разъ зажженная залетѣла
Прямо въ сердце, и сердце пронзено.
Золоченымъ камушкомъ прозвенѣла
И зарылась въ розовое дно.

И когда мы радуемся вмѣстѣ
И умильно и пламенно молчимъ,
На поверхности отъ вѣчнаго блеска
Разбѣгаются ровные лучи.

2.

Вѣтеръ не сумраченъ и не страшенъ,
Сердце звенить, и таѣть ледъ.
Видишь—изъ неба, изъ звонкой чаши
Каплями брызжетъ желтый медъ.

Городъ весенній—рѣчные разливы,
Люди всплывутъ, умрутъ въ волнахъ.
Все заласкаю, сильный, счастливый,
Нѣжность міровъ въ моихъ рукахъ.

Нѣжность міровъ въ рукахъ сжимаю,
Жадно сжимаю въ глубинѣ.
Если растаешь—и я растаю,
Если прильнешь—захлебнусь въ волнѣ.

3.

РЕВНОСТЬ.

Не о невѣрномъ думать дымѣ,
Не въ нѣжности заledenѣть,
Но помнить пламенное имя
Въ прозрачной, райской тишинѣ,

Но истощить разлукой душу,
Но жадно жечь уста твои,
Какъ будто ты со мной, и душишь
И стонешь отъ моей любви,

Какъ будто времена не властны
И будущее—тоже трупъ,
Какъ будто нѣтъ для губъ прекрасныхъ
Чужихъ и истомленныхъ губъ

И скорби нѣтъ въ садахъ вечернихъ,
Въ Господнемъ, огненномъ раю,
И мой единственный соперникъ—
Онъ, Сотворившій плоть твою.

4.

Чѣмъ нѣжнѣе мои созвучія,
Тѣмъ оторваннѣй отъ тебя,
Оттого что душа бѣгучая
Никогда не полюбитъ себя.

Оттого что въ словахъ не скажется
И въ безмолвіи не всплыветъ,
Все, что въ ласкѣ ночной завяжется,
И развяжется—и умретъ.

И когда надъ жизнью безжизненной
Даже высь, даже ночь молчить—
Только твой подѣлуй таинственный
Загорается и говорить.

ФРА АНЖЕЛИКО.

Въ странѣ, гдѣ гиппогрифъ веселый льва
Крылатаго зоветъ играть въ лазури,
Гдѣ выпускаетъ ночь изъ рукава
Хрустальныхъ нимфъ и вѣиценосныхъ фурій,

Въ странѣ, гдѣ тихи гробы мертвецовъ,
Но гдѣ живетъ ихъ царство, слава, сила,
Средь многихъ знаменитыхъ мастеровъ
Ахъ, одного лишь сердце полюбило.

Пускай великъ воздушный Рафаэль,
Любимецъ бога скаль, Буонаротти,
Да-Винчи, колдовской вкусившій хмель,
Челлини, давшій бронзѣ крылья плоти!

Но Рафаэль не грѣветъ, а слѣпнеть,
Въ Буонаротти страшно совершенство,
А хмель да-Винчи душу замутитъ,
Ту душу, что повѣрила въ блаженство

На Фьезоле, средь тонкихъ тополей,
Когда горять въ травѣ зеленой маки,
И въ глубинѣ готическихъ церквей,
Гдѣ мученики спять въ прохладной ракѣ.—

На всемъ, что сдѣлалъ мастеръ мой, печать
Любви земной и простоты смиренной,
Да, онъ не все умѣетъ рисовать,
Но то, что онъ рисуеть, совершенно.

Вотъ скалы, роща, рыцарь на конѣ,
Куда онъ ѣдетъ, въ церковь или къ невѣстѣ?
Горитъ заря на городской стѣнѣ,
Идутъ стада по улицамъ предмѣстій.

Марія держитъ Сына Своего,
Кудряваго, съ румянцемъ благороднымъ.
Такія дѣти въ ночь подъ Рождество,
Навѣрно, снятся женщинамъ безплоднымъ.

И такъ нестрашенъ связаннымъ святымъ
Палачъ, въ рубашку синюю одѣтый.
Имъ хорошо подъ нимбомъ золотымъ:
И здѣсь есть свѣтъ, и тамъ иные свѣты.

А краски, краски! Ярки и чисты,
Онѣ родились съ нимъ и съ нимъ погасли;
Преданье есть: онѣ растворялъ цвѣты
Въ епископами освященномъ маслѣ.

И есть еще преданье: серафимъ
Слеталъ къ нему, одѣянъ ризой красной,
И кисти бралъ и состязался съ нимъ
Въ его искусствѣ дивномъ... но напрасно.

Есть Богъ, есть міръ—они живутъ вовѣкъ,
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все въ себѣ вмѣщаетъ человѣкъ,
Который любитъ міръ и вѣритъ въ Бога.

ФРА БЕАТО АНЖЕЛИКО.

Ты хочешь знать, кого я ненавижу?
Конечно, Фра Беато Анжелико.
Я въ немъ не генія блаженства вижу,
А мертвеца гробницы невеликой.

Нѣтъ, онъ не въ ростъ Адаму акмеисту!
Онъ только карликъ кукольныхъ комедій,
Составленныхъ изъ вѣчной и пречистой
Мистеріи, изъ жертвенныхъ трагедій.

Ужель онъ разсказалъ тебѣ хоть мало
Изъ пламенной легенды христіанской,
Когда въ свой сурикъ и въ свое сусало
Все красилъ съ простотою негритянской?

Ты только посмотри на ту фигуру,
Что въ Deposizione della Croce
Разводитъ ручками! Ужель натуру
Ты видывалъ тупѣе и короче?

Иль въ Страшный Судъ взглядишь. Въ картинѣ
этой
Постыднѣй, чѣмъ во всѣхъ другихъ, Беато,—
Коль рай — не сценка пошлаго балета,
А Вельзевулъ — не дурень смѣшноватый.

О, неужель художество такое,
Видѣнья плотояднаго монаха,
Отвѣтъ на все, къ чему рвались съ тоскою,
Мы, акмеисты, вставшіе изъ праха?

Нѣтъ, ты не правъ, взалкавшій откровенья!
Не отъ Беато ждать явленія Адама.
Мнѣ жалко строгихъ строфъ стихотворенья,
Въ которыхъ славилъ ты его упрямо.

1.

ЛѢСНАЯ.

Я пришелъ къ тебѣ, сырѣ - дремучій боръ,
Изъ за быстрыхъ рѣкъ, изъ за дальнихъ горъ,
Чтобъ у ногъ твоихъ, витязь - схимнице,
Подышать лѣсной, древней силищей.

Ты прости, отецъ, сына нищаго,
Пѣсню - золото расточившаго,
Не кудрявичемъ подъ гуслирный звонъ
Въ зеленъ теремъ твой постучался онъ.

Богатырь душой, пѣвникъ розмысломъ,
Раздружился я съ древнимъ обликомъ,
Промѣнялъ парчу на сермяжину,
Кудри - вихори — на плѣшь - лысину.

Поклонюсь тебѣ, государь, душой —
Укажи тропу въ зеленъ теремъ свой!
Тамъ, двѣнадцать въ рядъ, братовья сидятъ,
Самоцвѣтнѣй зорь боевой нарядъ.

Разскажу я имъ баснословъ - баянъ,
Что въ родныхъ степяхъ порѣдѣлъ туманъ,
Что сокрылися гады, филины,
Супротивники пересилены,

Что крещеный людъ на завалинахъ,
Словно вешній цвѣтъ на прогалинахъ...

Ахъ, не въ руку сонъ! Сѣдовласый боръ
Чуда - терема сторожить затворъ,
На сѣдыхъ щекахъ слезовая смоль,
Межъ бровей - трущобъ вѣщей думы боль.

2.

Я — мраморный ангелъ на старомъ погостѣ,
Гдѣ схимницы - ели, да никлый плакунъ,
Крыломъ осбняю трухлявыя кости,
Подножья обвѣтренный, ржавый чугунъ;
Въ рукѣ моей лира, и бранные гости
Уснули подъ отзвуки каменныхъ струнъ.

И многіе годы, судьбы непреклоннѣй,
Блюду я забвеніе, сны и гроба,
Поэзіи символъ — мой гимнъ легковоннѣй,
Чѣмъ осенью травъ золотая мольба...

Но бдите и бойтесь! Въ изваянномъ лонѣ,
Какъ буря въ ущельи, таится труба!

3.

Солетали ко мнѣ други - воины
Съ братолюбнымъ увѣтомъ, да ласкою;
Приносили гостинцы небесные:
Воду, хлѣбъ, винограде Адамово,
Благоувѣстное вѣтвие раево.

Вопрошали меня гости - воины:
„Ты отвѣтствуй, скажи, добрый молодецъ,
Отчего ты утробой кручинишься,
Какъ подъ вихоремъ ель — клонишь голову?
Износилось-ли платье стожарное,
Загусѣлъ-ли вѣнецъ зарнокованный,
Али звѣздные перстни осыпались,
Али райская пѣсня не ладится?“

Я на спросъ оцѣкрылымъ отвѣтствовала:
„Ай-же други — небесные витязи,
Мое платье — заря, вѣнецъ — радуга,
Перстни — звѣзды, а пѣсни, что вихори,
Камню, травкѣ и звѣрю утѣшныя,
А кручнюсь, сумлююсь я, друженьки,
По землѣ святорусскія — матери. —

На нее вѣка я съ небесъ взиралъ,
Къ ней звѣздой слетѣвъ, человѣкомъ сталъ,
Двадцать бѣлыхъ зимъ, весенъ, осеней,
Я дышу земнымъ браннымъ воздухомъ,
Вижу горъ алтарь, степь - кадильницу,
Борь — притинъ молитвъ, думъ убѣжище.
Всѣмъ по духу братъ, — съ человѣками
Разошелся я жизнью внутренней. —

Святорусскій людъ темень разумомъ,
Страшенъ кокостью, лють обычаемъ,
Онъ на зеленъ - боръ топоры востригъ,
Замурудъ степей губить полымемъ,
Передъ сильнымъ — червь, онъ про слабаго
За сивухи ковшъ яму выроетъ,
Онъ на двѣтъ полей тучей хмурится,
На красу небесъ — не оглянется...

Опустивъ мечи и скрестивъ крыла,
Мой навѣтъ друзья чутко слушали.

Какъ весенній громъ на поля дохнетъ,
Какъ въ горахъ развѣтъ эхомъ скажется, —
Такъ одинъ изъ нихъ взвѣялъ голосомъ:
„Миръ и миръ тебѣ, одноотчій братъ,
Миръ устамъ твоимъ, слову каждому!
Мы къ твоимъ рѣчамъ преклонили слухъ,
И дадимъ отвѣтъ по разумію“.

Тутъ взмахнулъ мечемъ свѣтозарный гость,
Разсѣкалъ мою клѣтѣ тѣлесную,
Выпускалъ меня словно голубя
Подъ зенитный кругъ, въ Божьи воздуши,

И открылось мнѣ: Глубина Глубинъ,
Незакатный Свѣтъ, только Свѣтъ одинъ,
Только громы кругомъ откликаются,
Только горъ алтари озаряются,
Только крылья кругомъ развѣваются.
И звучитъ надъ горами: «Побѣда и Миръ!»

Въ безконечности духа безсмертія пиръ.

О. Мандельштамъ.

1.

Отчего душа—такъ пѣвуча,
И такъ мало милыхъ именъ,
И мгновенный ритмъ—только случай,
Неожиданный Аквилонъ?

Онъ подыметъ облако пыли,
Зашумитъ бумажной листвою,
И совѣмъ не вернется—или—
Онъ вернется—совѣмъ другой...

О, широкій вѣтеръ Орфея,
Ты ушелъ въ морскіе края—
И, не созданный міръ лелѣя,
Я забылъ ненужное «я»:

Я блуждалъ въ игрушечной чашѣ
И открылъ лазоревый гротъ...
Неужели я настоящій,
И дѣйствительно смерть придетъ?

2.

Образъ твой, мучительный и зыбкій,
Я не могъ въ туманѣ осязать.
«Господи!», сказалъ я по ошибкѣ,
Самъ того не думая сказать.

Божье имя, какъ большая птица,
Вылетѣло изъ моей груди...
Впереди густой туманъ клубится,
И пустая клѣтка позади...

3.

Сегодня дурной день:
Кузнечиковъ хоръ спить,
И сумрачныхъ скалъ сѣнь—
Мрачнѣй гробовыхъ плитъ.

Мелькающихъ стрѣлъ звонъ
И вѣщихъ воронъ крикъ:
Я вижу дурной сонъ,
За мигомъ летитъ мигъ.

Явленій раздвинь грань,
Земную разрушь клѣть,
И яростный гимнъ грянь—
Бунтующихъ тайнъ мѣдь!

О, маятникъ душъ строгъ—
Качается глухъ, прямъ,
И страстно стучить рокъ
Въ запретную дверь, къ намъ...

4.

Я вздрагиваю отъ холода,
Мнѣ хочется онѣмѣть.
А въ небѣ танцуетъ золото—
Приказываетъ мнѣ пѣть.

Томись, музыкантъ встревоженный,
Люби, вспоминай и плачь,
И съ тусклой планеты брошенный
Подхватывай легкій мячъ!

Такъ вотъ она, настоящая
Съ таинственнымъ міромъ связь:
Какая тоска щемящая!
Какая бѣда стряслась!

Что, если, надъ модною лавкою
Мерцающая всегда,
Мнѣ въ сердце длинной булавкою
Опустится, вдругъ, звѣзда?

СТОЛЯРЪ.

Визжитъ пила—увѣренно и рѣзко;
Какъ рожь, ползуть рисунка завитки,
И—неглубокимъ желобкомъ стамеска
Черпаетъ стволъ и хрупкіе суки.

Кряжистый, низкій, лысый, какъ апостоль,
Нагнулся надъ работою столяръ:
Изъ клена и сосны почти-что создалъ
Для стараго Евангеля футляръ.

Теперь—соединить бы. Изъ кастрюли
Два - три мазка хватаютъ кистью клей,
И половинки переплеть сомкнули
Съ колосьями—не изъ родныхъ полей.

Подсохнетъ,—надо прикрѣпить застежки.
Пригладить лакомъ бы, да жалко—нѣтъ...
Въ засиженные мухами окошки
Проходитъ пыльными столбами свѣтъ.

Какъ будто день чрезъ голубое сито
Просѣиваетъ легкую муку,—
И ею столъ и лысина покрыты,
И на стволѣ—она и на суку.

О, щедрая разсыпчатая манна!
Не ты-ль привѣтствуешь Господній трудъ?
Не отъ тебя-ли тутъ благоуханно
И мнится—злаки свѣтлые растутъ?

Смотри: пила опять перебираетъ
Зубцами острыми короткій брусъ,
И долото долбитъ и ковыряетъ,
И мастеритъ подобье крупныхъ бусъ.

Смотри, осенній день, и на колосья,
Что выточить рука, трудясь, могла.
Смотри и молви: «Ихъ пучокъ разросся
Маслиной Ааронова жезла!»

Камнемъ когда то коснулся ноги твоей,
Позже, когда проснулся душой своей,
Пѣсни пѣлъ птицею, вольныя пѣсни полей,
Съ каждымъ рождениемъ любилъ, все любилъ
сильнѣй.

Облакомъ легкимъ отъ солнца тебя закрывалъ,
Средь тростниковъ тихо на флейтѣ игралъ,
Валомъ встрѣчалъ тебя, въ плавани бурныхъ
морей,
Съ каждымъ рождениемъ любилъ, все любилъ
сильнѣй.

Встрѣтились снова, и снова тебѣ свою душу
отдалъ,
Путь, по которому шелъ, не колеблясь, избралъ,
Чувствую скоро закатъ моихъ жизненныхъ дней,
Съ новымъ рождениемъ любить тебя буду
сильнѣй.

КРИТИКА.

Валерій Брюсовъ. «Зеркало Тѣней». Изд. Скорпіонъ. М. 1912 г. Ц. 2 р.

Несмотря на то, что Валерій Брюсовъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ символистовъ, онъ сохранилъ во всей полнотѣ свое значеніе и до нашихъ дней, по своему, но глубоко отзываясь на все, что волновало общество послѣднія десятилѣтія. И въ то же время его творчество представляется намъ тѣмъ, что современные французы называютъ „oeuvrе“, т. е. законченнымъ, какъ поэма, единымъ при кажущемся разнообразіи. Полное обладаніе техникой дѣлаетъ изъ него мэтра русскаго стиха. Его можно не любить, но читать и даже изучать его должно.

Въ «Зеркалѣ Тѣней» не найти метода катастрофичности, когда поэтъ вкладываетъ въ одно стихотвореніе всю силу своего горѣнія, все окончательное своихъ прозрѣній. Его прелесть въ зрѣлости мысли, точности выраженій и увѣренности, съ какой поэтъ подходитъ къ своимъ образамъ.

К. Бальмонтъ. «Зарево Зорь». Изд. Грифъ. М. 1912 г. Ц. 1 р.

К. Бальмонтъ по праву считается однимъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ. Порывистый, увлекающійся

и увлекающій, онъ обогатилъ русскую поэзію цѣлымъ рядомъ новыхъ чувствъ, образовъ и мыслей. Брошенные имъ девизы продолжаютъ жить до сихъ поръ.

Въ своихъ послѣднихъ книгахъ К. Бальмонтъ находится въ томъ же кругу переживаній, что десять лѣтъ тому назадъ. Опытъ этихъ лѣтъ прошелъ мимо него. «Зарево Зорь» выгодно выдѣляется среди его послѣднихъ книгъ отсутствіемъ мудрствованья, какъ въ стихѣ, такъ и въ переживаніяхъ, и радуется прежнимъ зоркимъ вниманіемъ къ природѣ.

Вячеславъ Ивановъ. *Cor Ardens*. Часть первая и вторая. Съ фронтисписомъ К. Сомова. Изд. Скорпионъ. М. 1911. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

Выступивъ не въ первыхъ по времени рядахъ русскаго символизма, Вячеславъ Ивановъ сразу занялъ одно изъ первенствующихъ въ немъ мѣстъ, въ качествѣ своеобразнаго теоретика и вліятельнаго учителя. Въ его поэзіи книга *Cor Ardens* занимаетъ центральное положеніе.

Первая часть этой книги богаче творчествомъ, вторая же впадаетъ въ символику, скорѣе средневѣковую, чѣмъ современную, причемъ ритмику одолеваетъ метрика. Склонный къ славянизмамъ, принципиально тяжелый, языкъ книги не всегда прекрасенъ и часто не лишенъ темноты. Тонъ книги, почти всегда стоящій на уровнѣ паэоса, недостаточно подвиженъ, имѣетъ слишкомъ короткую амплитуду, чтобы не утомлять. Въ смыслѣ единства книги и планомѣрности развитія, *Cor Ardens* вполне соотвѣтствуетъ

высоко поднятому въ наши дни идеалу поэтического подвига.

Н. Гумилевъ. Чужое небо. Изд. Аполлона. Спб. 1912 г. Ц. 1 р.

Этотъ сборникъ Н. Гумилева знаменуетъ серьезный этапъ въ развитіи поэта. Въ немъ чувствуется борьба съ перегруженностью поэзіи съ одной стороны философскимъ балластомъ, а съ другой — словеснымъ лиро-магическимъ. Намѣренно простая муза Н. Гумилева тѣмъ не менѣе не хочетъ для себя какихъ-либо ограниченій въ выборѣ темъ. Справляясь со всякой темой, она въ иныхъ случаяхъ удовлетворяется побѣдой слишкомъ легкой. Чуждаясь всякихъ дебрей, она преимущественно скользитъ по периферіи духа, а не устремляется къ его тайникамъ.

М. Кузминъ. «Осеннія Озера». Изд. Скорпионъ. М. 1912 г. Ц. 1 р. 80 к.

Въ стихахъ М. Кузмина слышны то манерность французскаго классицизма, то нѣжная настойчивость сонетовъ Шекспира, то легкость и оживленіе старыхъ итальянскихъ пѣсенокъ, то величавые колокола русскихъ духовныхъ стиховъ. Но его по современному чуткая душа придаетъ этимъ старымъ темамъ новую свѣжесть и очарованіе. Его всегдашняя тема любовь, и онъ настолько сроднился съ ней, воспринялъ ея сущность, такую земную и такую небесную, что въ его стихахъ совершенно естественны переходы отъ житейскихъ мелочей къ мистическому вос-

торгу. Эти переходы — главная характеристика его поэзии. Кроме того, онъ любитъ трудные строфы и размѣры, въ которыхъ вполне проявляется его власть надъ стихомъ.

«Осеннія Озера», не давая сравнительно ничего новаго послѣ его первой книги, «Сѣтей», продолжаютъ и углубляютъ найденные прежде образы и приемы.

Ю. Балтрушайтисъ. «Горная тропа». Изд. Скорпионъ. М. 1912 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ю. Балтрушайтисъ пишетъ и печатаетъ уже давно, но первая его книга появилась лишь въ прошломъ году, а вторая послѣдовала вслѣдъ за первой. Между ними почти нѣтъ разницы.

Все творчество поэта выдержано по своей равномерной и часто раздражающей отвлеченности. Онъ смотритъ на мѣръ глазами сомнамбулы, и всѣ вещи проходятъ мимо него, не задѣвая его и не волнуя. Гораздо больше онъ любитъ отвлеченныя понятія и часто находитъ для нихъ эпитеты вѣрные и вѣвучіе. Его стихъ, простой и точный, прекрасно передаетъ холодное волненіе поэта. Творчество Ю. Балтрушайтиса врядъ ли характерно для поэзии нашихъ дней, но, какъ одиночка, онъ цѣненъ и интересенъ.

---

1 руб. 50 коп.

Подписная цѣна на годъ (10 №№) — 1 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго № — 25 к.

Типографія Ю. Л. МАНСФЕЛЬДЪ. СПБ., ул. Гаголя, № 9.